

Стефан
ЦВЕЙГ

ПИСЬМО
НЕЗНАКОМКИ

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ГУБЕРНАНТКА

Сестры одни в комнате. Свет погашен. Между ними темнота, только постели слегка светятся белым. Девочки дышат чуть слышно, можно подумать, они уснули.

— Эй! — вдруг робко, почти испуганно шепчет во тьму младшая сестра, двенадцати лет от роду.

— Что такое? — отвечает со своей кровати вторая девочка; она всего на год старше.

— Не спишь? Это хорошо. Я хотела рассказать тебе кое-что.

Молчание, только зашуршало одеяло. Сестра приподнялась, выжидающе смотрит, в темноте чуть заметно блестят ее глаза.

— Знаешь... Я хотела сказать... Только сначала ты скажи, тебе не кажется, что в последнее время с нашей фрейлейн что-то не так?

Сестра медлит, раздумывая.

— Да... — говорит она наконец. — Правда, не знаю, что такое... Она теперь как будто стала не так строга. Недавно я два дня не делала заданий, а она ничего мне не сказала. И потом, она стала такая... Не знаю, как сказать... Как будто она больше не занимается нами, как раньше, не играет, а все время сидит в стороне.

— Мне кажется, ей очень грустно, но она не хочет этого показывать. Она даже за фортепиано не садится.

Обе снова замолчали.

— Ты ведь хотела что-то рассказать, — напоминает старшая.

— Да, но обещаю, что никому не проболтаешься. Ни маме, ни подруге — никому.

— Да нет же, нет! — нетерпеливо уверяет сестра. — Ну, говори!

— Так вот... Сейчас, когда мы с тобой пошли спать, я вдруг вспомнила, что не пожелала нашей фрейлейн доброй ночи. Туфли я уже сняла, но все равно пошла к ней в комнату, тихо-тихо, хотела сюрприз сделать. Я осторожно открыла дверь... Поначалу подумала, что там никого нет. Свет горит, а ее не видно. А потом — я ужасно испугалась — услышала, как кто-то плачет. И тут я разглядела, что она одетая лежит на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Она так всхлипывала, что мне стало страшно. Фрейлейн меня не заметила. Я тихо закрыла дверь. Пришлось еще немножко постоять у двери — я так дрожала! А потом фрейлейн снова начала всхлипывать, и я убежала вниз.

Сестры замолчали, потом одна чуть слышно прошептала:

— Бедная фрейлейн.

— Интересно, почему она плакала? — говорит младшая. — Она ведь ни с кем не ссорилась в последнее время. Мама оставила ее в покое, не придирается, а мы-то уж точно ничего такого не сделали. Почему, как ты думаешь?

— Кажется, я догадываюсь, — отвечает старшая.

— Почему? Скажи!

Сестра медлит. Потом говорит:

— Она влюблена.

— Влюблена? — Младшая вздрагивает от неожиданности. — Влюблена? В кого?

— Разве ты ничего не заметила? — спрашивает старшая.

— Ну, не в Отто же...

— Почему нет? И он в нее не влюблен, ты хочешь сказать? Ведь он учится и живет у нас уже три года, но раньше никогда не гулял с нами, а последние пару месяцев — чуть ли не каждый день... Он на нас внимания не обращал, до того как появилась фрейлейн, а теперь днями напролет с нами возится. И везде мы его «случайно» встречаем: в городском парке, Фольксгартене или Пратере, где мы всегда с фрейлейн. Неужели ты сама не замечала?

Младшая испуганно шепчет:

— Да... да... Конечно замечала... Но я думала просто... — Тут голос изменяет ей и она замолкает.

— Я раньше тоже так думала. Мы, девочки, ведь такие глупые. Но я вовремя сообразила, что мы для него лишь предлог.

Сестры замолкают. Разговор как будто окончен. Они погружаются каждая в свои мысли, а может, и в сны.

И вдруг в темноте снова звучит озабоченный голос младшей:

— Но почему же она плачет? Она ведь нравится ему. Я всегда думала, что это здорово — в кого-нибудь влюбиться.

— Не знаю, — сонно отвечает старшая. — Я тоже всегда считала, что это здорово.

И снова младшая, уже засыпая, тихонько и сочувственно вздыхает:

— Бедная фрейлейн...

В комнате становится тихо.

На следующее утро они об этом больше не говорят, но каждая чувствует, что мысли их занимает одно и то же. И как они ни избегают друг друга, как ни отводят

глаза в сторону, взгляды их невольно встречаются, когда обе искоса поглядывают на гувернантку. За столом сестры наблюдают за Отто — кузенком, который вот уже несколько лет живет с ними под одной крышей, — как за чужим. Они не заговаривают с ним, но в их глазах под полуприкрытыми веками трепещет один вопрос: не подаст ли он какого-нибудь знака фрейлейн. Девочки нервничают. Сегодня они не играют, а лишь хватаются то за одно, то за другое занятие, встревоженные близостью тайны. И только вечером одна преувеличенно равнодушно спрашивает другую:

— Ну, ты что-нибудь заметила?

— Нет, — отвечает сестра и отворачивается. Обе почему-то боятся говорить об этом.

Так, в беспокойстве и постоянных наблюдениях, проходит еще несколько дней. Несколько дней вблизи волнующей тайны.

Наконец одна замечает, как за столом гувернантка глазами подает знак Отто, а тот в ответ кивает. Девочка дрожит от волнения, незаметно под столом трогает руку сестры и, когда та оборачивается, бросает ей сверкающий взгляд. Сестра все мигом понимает, и ее тоже охватывает беспокойство. Сразу после обеда фрейлейн говорит девочкам:

— Ступайте в свою комнату и займитесь чем-нибудь. У меня разболелась голова, я хотела бы полчаса отдохнуть.

Девочки опускают глаза, легонько толкают друг друга локтями. И едва гувернантка уходит, младшая подскакивает к старшей:

— Смотри, сейчас Отто пойдет к ней в комнату.

— Конечно! Не зря же она нас отослала.

— Давай подслушаем под дверью.

— А если кто-нибудь придет?

— Кто?

— Мама.

Младшая испугалась:

— Ну, тогда...

— Знаешь что? — нашлась старшая. — Давай я встану под дверью, а ты — в коридоре и дашь мне знать, если кто-нибудь появится. Так мы будем в безопасности.

Младшая недовольно хмурится:

— Но ты ведь потом ничего мне не расскажешь...

— Все как на духу!

— Все?

— Все, даю слово. А ты, если кто-нибудь появится, кашлянешь.

И вот обе стоят в коридоре, дрожа от возбуждения. Кровь стучит в висках. Что же будет? Девочки в страхе прижимаются друг к дружке.

Вскоре раздаются шаги, и сестры бросаются наутек. Так и есть, это Отто. Вот он берется за ручку и скрывается в комнате. Старшая стрелой подлетает к двери и, затаив дыхание, приникает к ней ухом. Младшая так и поедает ее глазами. Любопытство не дает ей стоять в условленном месте, и она тоже подкрадывается к двери, но сестра сердито отталкивает ее. Девочка снова занимает свой пост и замирает в ожидании. Минута, две, три — время тянется для нее бесконечно. Ее трясет от нетерпения, она переминается с ноги на ногу, подпрыгивает, будто стоит на углях, и едва не плачет от зависти к сестре, которая все слышит. Тут в конце коридора хлопает дверь. Девочка громко кашляет, и обе устремляются в детскую. Там они молча стоят некоторое время, с трудом переводя дыхание.

Потом младшая требует:

— Ну, давай же, рассказывай!

Лицо у старшей становится задумчивым, и она говорит, как будто самой себе:

— Я этого не понимаю.

— Чего?

— Это очень странно...

— Что? Что? — едва задыхается младшая.

Старшая собирается с мыслями. Младшая прижимается к ней всем телом, чтобы ненароком не упустить что-нибудь.

— Это очень странно, — повторяет старшая. — Со всем не так, как я себе представляла. Отто вошел к ней в комнату и, должно быть, хотел обнять и поцеловать, потому что она сказала: «Оставь, мне надо с тобой серьезно поговорить». Я ничего не видела, потому что в замке торчал ключ, но слышала все точно. «Что случилось?» — спросил Отто, и я не узнала его голоса. Ты ведь знаешь, он обычно такой громкий и смелый, а тут я сразу поняла: он чего-то боится. И она тоже сразу заметила, что он притворяется, потому что сказала так тихо: «Ты знаешь...» — «Нет, я ничего такого не знаю», — ответил он. «Так, значит... — вздохнула она печально-печально. — Почему же ты от меня все время прячешься? Ты за неделю не сказал мне ни слова. Избегаешь меня, даже перестал ходить с детьми в парк. Неужели я стала тебе совсем чужой? О, ты все знаешь...» И Отто сначала помолчал, а потом сказал: «У меня скоро экзамен. Сейчас я очень занят, у меня ни на что больше нет времени. К сожалению, иначе пока не получится». А фрейлейн начала плакать, а потом спросила его сквозь слезы, но как-то мягко: «Зачем ты лжешь, Отто? Скажи мне правду, я это заслужила. Я ведь ничего от тебя не требую, но между нами не должно быть недомолвок. Ты ведь знаешь, что я хочу тебе сказать, я по глазам вижу». — «Что же?» — спросил Отто, совсем тихо. И тогда она сказала...

Тут старшая вся начинает дрожать от волнения, а младшая прижимается к ней еще крепче:

— Ну?

— Она сказала: «У меня от тебя ребенок»!

— Как ребенок? — испуганно отстраняется младшая. — Не может быть!

— Она именно так сказала.

— Ты, наверное, плохо расслышала.

— Нет, нет! Фрейлейн повторила еще раз, как раз когда ты подошла к двери: «Ребенок!» Она долго молчала, а потом спросила: «Что же теперь будет?» И потом...

— Что потом?

— Потом ты кашлянула и мы убежали.

Младшая растерянно смотрит перед собой в одну точку.

— Ребенок... Но это невозможно! Где же он, этот ребенок?

— Я не знаю. Это то, чего я сама никак не могу понять.

— Может, он где-то у нее дома. Может, он у нее давно, еще до того, как она у нас появилась. Мама, конечно, не позволила ей взять его сюда из-за нас... И поэтому фрейлейн такая грустная.

— Глупости! Она ведь тогда совсем не знала Отто.

Снова беспокойная пауза. Сестры лихорадочно ищут разгадку, но тщетно. Вопрос мучает их. Наконец младшая снова прерывает молчание:

— Ребенок — это совершенно невозможно. Она ведь не замужем. А только у замужних бывают дети, я это точно знаю.

— А что, если она была замужем?

— Нет, не глупи... Во всяком случае, не за Отто.

— Но как же тогда?..

Они растерянно смотрят друг на друга.

— Бедная фрейлейн... — вздыхает одна. Время от времени у девочек прорывается этот сочувственный вздох. Но тут же любопытство снова берет свое.

— Интересно, это мальчик или девочка?

— Кто знает!

— А как ты думаешь... Что, если спросить ее об этом? Как-нибудь очень осторожно...

— Ты с ума сошла!

— Почему? Она ведь всегда такая добрая...

— Как тебе взбрело это в голову! О таких вещах с нами не говорят. От нас же все скрывают. Стоит войти в комнату, как взрослые сразу замолкают или начинают болтать с нами какие-нибудь глупости, как будто мы маленькие дети. А ведь мне уже тринадцать! Зачем спрашивать, если все равно солгут?

— Но мне так хочется знать...

— А мне, думаешь, нет?

— Знаешь что... По крайней мере, Отто ни о чем понятия не имел, вот все, что я поняла. Как же можно не знать, что у тебя есть дети? Это все равно что не знать, что у тебя есть родители.

— Он только притворяется, подлец! Он всегда притворяется.

— Но не в таком деле... Это он только с нами, когда хочет нас провести.

Тут в комнату входит фрейлейн. Девочки сразу умолкают и делают вид, что занимаются. Но постоянно поглядывают в ее сторону. Глаза у фрейлейн как будто покраснели, а голос тише, чем обычно, и дрожит. Девочки притихли и смотрят на нее почти благоговейно. «У нее ребенок, — крутится в голове обеих. — Поэтому фрейлейн такая печальная». И скоро им тоже становится печально.

На следующий день за обедом сообщают неожиданную новость: Отто покидает дом. Дяде он объяснил это тем, что скоро экзамены, надо много работать, а тут его слишком часто отвлекают. Поэтому он хочет снять где-нибудь комнату на месяц-другой, пока экзамены не будут позади.

От этого известия девочек охватывает страшное волнение. Обе чувствуют, что это каким-то таинственным образом связано со вчерашним разговором, и инстинктивно подозревают бегство, трусость. Когда Отто подходит попрощаться с ними, они грубо поворачиваются к нему спиной, но исподтишка следят, как он прощается с фрейлейн. У нее дрожат губы, но она спокойно, не говоря ни слова, протягивает руку Отто.

В эти несколько дней девочки сильно изменились. Они забыли про свои игры, перестали смеяться, в глазах исчез веселый блеск. Беспокойство и недоверие к окружающим поселились в их душах. Они больше не верят ни единому слову взрослых, везде подозревая обман. Весь день они подслушивают и подглядывают, с жадностью ловят каждый жест, малейшее изменение голоса. Как две бесплотные тени, мелькают они по дому, с замиранием сердца припадая к дверям, мучимые страстным желанием стряхнуть с себя темную сеть загадок или хотя бы взглянуть сквозь нее на действительность. Детская доверчивость, эта пелена счастливого неведения, уже спала с их глаз. По тому, как развиваются события, обе предчувствуют близкую развязку и очень боятся ее пропустить. С тех пор как сестры поняли, что со всех сторон окружены ложью, они насторожились, замкнулись в себе и сами стали лгать. В присутствии родителей они делают наивные лица и пытаются обмануть взрослых детской живостью. Ими владеет беспокойная нервозность. Взгляд стал пытливей, ровный блеск глаз сменился более глубоким, мерцающим

сиянием. Постоянное выслеживание очень сблизило их, и они то бросаются друг другу в объятия от внезапно вспыхнувшей потребности в ласке, то вдруг начинают рыдать от ощущения своего бессилия. Их жизнь вдруг круто переменялась, без всякой видимой на то причины.

Из всех несправедливостей, которые сестры стали замечать в жизни, одну они чувствуют особенно остро. Не сговариваясь, они решили доставлять как можно больше радости своей фрейлейн, которая теперь постоянно грустит. Обе с необыкновенным усердием выполняют все ее задания, беспрекословно слушаются, ни на что не жалуются и предупреждают малейшее ее желание. Но фрейлейн всего этого как будто не замечает, и от этого девочкам очень больно. Она вообще переменялась в последнее время. Часто, когда одна из сестер заговаривает с фрейлейн, та вздрагивает, словно ее разбудили, и взгляд у нее такой, будто она возвращается откуда-то издалека. Часами она сидит в непонятном мечтательном оцепенении. Тогда девочки ходят только на цыпочках, чтобы не мешать ей. Сестры смутно чувствуют: фрейлейн думает о своем ребенке, который где-то далеко. Теперь они особенно любят ее, всей силой своей просыпающейся женственности. Фрейлейн стала заметно нежнее и мягче. Ее обычно порывистая походка стала размереннее, движения — осторожнее. Во всем этом девочки видят признаки скрытой печали. Слез ее они никогда не видят, но веки у фрейлейн часто красны. Сестры понимают, что она хочет скрыть от них свою боль, и приходят в отчаяние оттого, что не могут ей помочь.

И вот однажды, когда фрейлейн стоит, отвернувшись к окну и приложив к глазам платок, младшая набирается храбрости и тихонько касается ее руки:

— Фрейлейн, вы так грустите в последнее время. Скажите, это ведь не из-за нас?

Фрейлейн растроганно смотрит на девочку и проводит рукой по ее мягким волосам:

— Нет, милая, нет. Конечно не из-за вас.

И ласково целует ее в лоб.

Девочки выслеживают и наблюдают, не упуская ничего из того, что попадает в их поле зрения. И вот одна из них, внезапно войдя в комнату, слышит несколько слов. Взрослые тут же замолкают, но и одна фраза уже рождает в голове у сестер тысячи разных предположений.

— Я тоже что-то такое вижу, — говорит мать. — Что ж, учиним ей допрос.

Поначалу девочка принимает сказанное на свой счет и тут же спешит к сестре за советом. Но в обед они замечают, с каким пристальным вниманием смотрит мать на ни о чем не подозревающую фрейлейн.

После еды мать говорит ей, как бы невзначай:

— Прошу вас зайти ко мне в комнату. Мне нужно с вами поговорить.

Фрейлейн молча кивает. Сестер охватывает дрожь, они понимают: что-то должно произойти.

И едва фрейлейн входит в комнату матери, обе приникают к дверям. Теперь постоянное подслушивание, подглядывание и обшаривание потайных уголков стало для них обычным делом. Сестры больше не видят в этом ничего зазорного. У них теперь одна цель — раскрыть все секреты, которыми от них заслоняют жизнь.

Они подслушивают, но не могут разобрать ни слова. Из-за двери доносится только невнятный шепот. Девочки дрожат. Они боятся, что главное ускользнет от них.

Потом голос становится громче. Мать говорит зло и сварливо:

— Или вы думаете, люди слепы и никто ничего не замечает? Могу представить себе, как вы выполняли

свой долг с такими мыслями и такой моралью. Я вам доверила воспитание своих дочерей, а вы! Вы ведь их совсем забросили.

Фрейлейн как будто что-то возражает, но говорит слишком тихо, девочки ничего не могут разобрать.

— Отговорки, все отговорки! — перебивает ее мать. — У такой легкомысленной особы на все найдется отговорка. Так бездумно отдаться первому встречному... А дальше — что Бог даст. И вы взялись воспитывать девочек! Это непростительная дерзость. Надеюсь, вы понимаете, что вам придется сейчас же покинуть этот дом.

Сестры приникли к двери. По спинам у них пробежал холодок. Они ничего не понимают, но гневный голос матери пугает их. Фрейлейн больше не отвечает, до них доносятся только ее приглушенные безудержные рыдания. На глаза у девочек наворачиваются слезы, но мать это распаляет еще больше.

— Только плакать вы и горазды! Но меня этим не проймешь. Мне таких, как вы, не жалко. Что с вами теперь будет, меня не волнует. Вам лучше знать, у кого просить помощи, я не спрашиваю вас об этом. Я знаю только, что особа, так пренебрегшая своими обязанностями, не задержится в этом доме ни дня.

В ответ — рыдания, такие отчаянные, иступленные, что девочек затрясло, как в лихорадке. Никогда они не слышали такого плача. Обе смутно чувствуют, что так рыдать может только несправедливо обиженный. Мать молчит, ждет. А потом вдруг резко говорит:

— Это все, что я хотела вам сказать. Собирайте вещи и завтра утром приходите за расчетом. Adieu!¹

Девочки отскакивают от двери и бегут в свою комнату. Что это было? словно молния ударила в шаге от

¹ Прощайте! (фр.) (Здесь и далее примеч. перев.)

них. Они стоят бледные и дрожащие: впервые перед ними приоткрылась действительность. И впервые они осмеливаются внутренне восстать против родителей.

— Как противно разговаривала мама, — говорит старшая, кусая губы.

Младшую как будто еще пугает такое дерзкое замечание.

— Но мы ведь не знаем, что фрейлейн сделала, — жалобно лепечет она.

— Понятно, что ничего плохого, — отвечает старшая. — Фрейлейн не может сделать ничего плохого. Мама просто не знает ее.

— Но как она плакала! Мне стало страшно.

— Да, это было страшно, — соглашается старшая. — А мама на нее кричала. И это было так противно, так мерзко!

Она топает ногой. На глаза ей наворачиваются слезы. В этот момент в комнату входит фрейлейн, она выглядит очень усталой.

— Сегодня у меня много дел, дети, — сказала она. — Вы побудете одни, на вас ведь можно положиться? А вечером я снова к вам приду.

И уходит, не замечая волнения девочек.

— Ты видела, какие у нее заплаканные глаза? — спрашивает одна. — Не понимаю, как мама могла так с ней обойтись.

— Бедная фрейлейн...

Опять эти слова, полные сострадания и слез. Девочки подавлены. Входит мать и спрашивает, не хотят ли они поехать с ней на прогулку, девочки отказываются. Мать внушает им страх. К тому же их возмущает, что им не сообщают об уходе фрейлейн. Девочки предпочитают остаться одни. Как две запертые в тесной клетке ласточки, мечутся они по комнате, задыхаясь в атмосфе-

ре лжи и притворства. Сестры подумывают спуститься к фрейлейн и откровенно обо всем с ней поговорить, сказать, что она должна остаться и что мать не права, но боятся ее обидеть. И потом, им стыдно, ведь все, что они знают, они подслушали и выследили. Поэтому им приходится притворяться и разыгрывать из себя глупышек, какими они и в самом деле были всего пару недель назад. Девочки остаются одни и весь нескончаемый день мучаются разными мыслями, плачут, а в ушах у них неотвязно звучит гневный голос матери и отчаянные рыдания фрейлейн.

Вечером фрейлейн действительно заглядывает к ним, чтобы пожелать спокойной ночи. Девочки дрожат, когда она выходит из комнаты, им хочется что-нибудь еще сказать ей. Но тут, стоя уже в дверях, фрейлейн сама поворачивается, как будто остановленная их немой просьбой. Глаза у нее блестят. Она обнимает девочек, которые тут же начинают всхлипывать, целует их и поспешно выходит.

Девочки остаются в слезах. Они понимают, что это было прощание навсегда.

— Мы больше никогда ее не увидим, — плачет одна. — Вот увидишь, когда мы завтра придем из школы, ее здесь не будет.

— Может, мы сможем как-нибудь потом ее навесить. И тогда она покажет нам своего ребенка.

— Да, она ведь такая добрая.

— Бедная фрейлейн... — Эти слова звучат горестным вздохом о своей собственной судьбе.

— Ты можешь представить, как нам будет без нее?

— Мне не нужна другая фрейлейн.

— Мне тоже.

— Ни одна больше не будет к нам так добра. И потом...